

3. Кирсанов В. И. Средства выражения следственных отношений в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10. 02. 04. – Л., 1980. – 21с.
4. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. – Л.: Наука, 1976.
5. Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке // Труды военного института иностранных языков. – 1945. – № 1.
6. International Journal of Heat and Mass Transfer. – Oxford: Pergamon, 1984. – Vol.27. – № 10, January.
7. International Journal of Heat and Mass Transfer. – Oxford: Pergamon, 1988. – Vol. 31. – № 8, August–April.
8. International Journal of Heat and Mass Transfer. – Oxford: Pergamon, 1998. – Vol.41. – №1, January.
9. International Journal of Heat and Mass Transfer. – Oxford: Pergamon, 1986. – Vol. 29. – №3, March.
10. International Journal of Heat and Mass Transfer. – Oxford: Pergamon, 1984. – Vol. 27. – № 10, October.
11. Optical Engineering. – Washington, 2001. – Vol. 40. – № 6, June.

Поступила в редакцию 26.12.2002

ДЕРИВАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ФРАЗЕОЛОГИЗМОМ И СЛОВОМ

А. В. Петров

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского

В статье исследуется процесс семантической конденсации во фразеологии, проявляющийся в вычленении глагольного, субстантивного или адъективного компонента из состава устойчивого словосочетания.

Ключевые слова: семантическая конденсация, отфразеологическая деривация, вычленение компонента

У статті досліджується процес семантичної конденсації во фразеології, який проявляється у вичленуванні дієслівного, субстантивного та ад'єктивного компонента з складу стійкого словосполучення.

Ключові слова: семантична конденсація, відфраземна деривація, вичленування компоненту

The article deals with the semantic condensation in fraseology, which is realised in exclusion of verbal, substantial and adjectival component from of a steady combination

Key words: semantic condensation, exclusion of a component, fraseological derivation

Лингвисты давно отметили, что устойчивые сочетания оказывают влияние на появление новых слов и значений. За последнее время возросло внимание ученых к этому явлению (см. работы А.В. Исаченко, Н.А. Янко-Триницкой, В.М. Никитевича, В.В. Лопатина, В.Н. Виноградовой, А.Н. Корнева, Л.И. Осиповой, М.Ф. Тузовой и др.). Тенденция к экономии языковых средств выражения определяется различными терминами, например: «универбация», «семантическая компрессия», «семантическая конденсация», «включение» и др. В работе мы используем термин «семантическая конденсация». Конденсация относится к лексико-семантическому явлению, обусловленному синтагматически. На огромное значение для языка процесса «сгущения мысли» обращали внимание еще Ф. И. Буслаев и А. А. Потебня.

Семантическая конденсация наблюдается и во фразеологии (см. исследования Н.М. Шанского, М.А. Алексеенко, Н.Ф. Алефиренко, А.М. Бушуя, В.М. Мокиенко, Р.Н. Попова, Т.П. Белоусовой, М.Б. Ташлыкковой, Г.А. Селиванова, Е.В. Сенько, В.К. Янцена и др.). Некоторые лингвисты, изучающие вопросы отфразеологического словообразования, считают, что собственно фразеологическим способом является эллипсис, при котором компонент фраземы принимает на себя значение всего оборота или приобретает значение, которого не имеет в составе фраземы [1; 2]. Это явление получило также название «регенерация» [2].

Характерной чертой, служащей основанием для сравнения этого процесса в лексике и фразеологии, является то, что семантическая конденсация протекают на основе или на фоне устойчивых сочетаний разного рода. Не случайно языковой материал, исследуемый в работах по отфразеологической деривации, с одной стороны, и по семантической конденсации, с другой – сходен. В пользу этого свидетельствует и следующая аналогия. Известно, что наиболее продуктивным аффиксом при семантической конденсации является суффикс *-ка*, например: *грунтовая дорога – грунтовка, узкоколейная дорога – узкоколейка* и др. При аффиксальном словообразовании на

основе фраземы «утрачиваемый компонент весьма обще «кодируется» в форманте... Нельзя не отметить возможность развития у аффиксов чего-то похожего на функциональную специфику, хотя она проявляется в рамках общесловообразовательного функционирования форманта. Таким формантом может быть, например, суффикс -СЯ. Известно, что он активно используется при имплицировании фразеологизма в слово: *сматывать удочки – сматываться; морщить лоб – морщиться*» [3, с. 113]. Функцию, специфичную для процесса имплицирования компонентного состава фраземы, могут выполнять и другие глагольные аффиксы – суффиксы *-и-* и *-нича-*. Речь идет о глаголах, возникших на основе субстантивной части фраземы при помощи суффиксального или суффиксально-префиксального способа образования: *тянуть канитель – канительный, точить лясы – лясничать, драть глотку – глотничать, продрать с песочком – пропесочить, перемывать кости – костить* и др. В эту же группу входят и лексические единицы, образованные на основе архаичных именных компонентов фразеологизма, типа *балясить, турусить*. Как отмечает М. Б. Ташлыкова, этот фактор оказывается решающим в определении мотивационных отношений дериватов [4]. Аналогичную точку зрения разделяют и другие исследователи [5]. На наш взгляд, нельзя сводить особенности мотивационных отношений рассматриваемых производных только к экзотичности одного из компонентов фразеологизма, поскольку дериваты образуются по продуктивной языковой модели.

Цель статьи – исследовать один из аспектов семантической конденсации во фразеологических оборотах различных типов, связанный с вычленением отдельного компонента и превращением его в отдельную лексему – отфразеологический дериват.

Признавая отфразеологическими дериваты, семантически адекватные устойчивым словосочетаниям и формально совпадающие с одним из их компонентов, лингвисты подразделяют их на изоморфные образования (не имеющие формального и формально-семантического соответствия среди существующих слов), омонимы и лексико-семантические варианты. Фактический материал свидетельствует о незначительном удельном весе изоморфных производных в системе отфразеологических дериватов. Поэтому основное внимание в статье мы сосредоточим на омонимичных образованиях. Изоморфные лексемы появляются в результате вычленения того или иного компонента из состава именных или глагольных фразем: *морочить голову кому* «намеренно вводить в заблуждение, дурачить кого-л.» – *морочить*; *распекать на обе корки* «делать строгий выговор, бранить» – *распекать*; *хватила кондрашка* «кто-л. внезапно разбит параличом, кто-л. скоропостижно скончался» – *кондрашка* «об апоплексическом ударе, параличе»; *нести околесицу* «говорить вздор, бессмыслицу» – *околесица* «бессмыслица, вздор»; *точить лясы* «заниматься пустыми разговорами, болтать пустяки» – *лясы* и др.

Вычленение глагольного компонента

(модель фраземы: «глагол + имя существительное»)

Вычленение глагольного компонента некоторые лингвисты называют наиболее простым явлением, так как здесь наблюдается полное единство категориального значения всей производящей единицы – фразеологизма, грамматически и семантически опорного компонента (глагола) и производного. Однако в данном случае не всегда ясным оказывается направление деривации – от фраземы к слову или от слова к фраземе [4; 6].

1. Вычленившийся глагольный компонент приобретает статус слова, которое является омонимичным другим существующим в языке единицам. Ср: *настрять в зубах* «предельно надоесть, наскучить кому-л.» – *настрять*: «В праздничном номере "Известий" его («Самородок») и напечатали, – напечатали с бесстыжей "простотой", без всякого даже восклицательного знака, ну будто рассказы из лагерной жизни сорок лет уже печатаются в наших газетах и *настряли* всем» (Солженицын, Бодался теленок с дубом); *мозолить/намозолить глаза кому* «предельно надоедать, досаждать своим присутствием» – *намозолить*: «Полгода живет Павлуша в рыбацкой артели, и полгода с берега в Избишино, из Избишина на берег бегают – всем *намозолил*» (Савеличев, Переборы); *заложить за галстук* «выпить спиртного» – *заложить*: «Нипочем бы Тюкин не стал читать (для политучебы) с субботы, мало надеясь запомнить, но в воскресенье после его дежурства намечали они с сестриным мужем крепко *заложить*, в понедельник утром с опохмелу эта мура тем более в голову не полезет» (Солженицын, В круге первом); *городить ахинею* «говорить вздор, бессмыслицу» – *городить* и др. В приведенных примерах значения отфразеологических производных омонимичны соответственно другим известным в языке значениям: *настрять* «застрять в чем-л. в каком-л. коли-

честве»; *намозолить* «натереть мозоли долгой ходьбой или работой»; *заложить* «поместить что-нибудь, обычно подо что-л., позади чего-л.»; *городить* «ставить забор, ограду».

Зачастую отфразеологические дериваты-омонимы объединяются с другими значениями в толковых словарях в границах одного многозначного слова. Ср.: *Ломать* 1. Сгибаемая, перегибаемая или ударя с силой, разделять на части, куски. 2. *Прост.* Калечить, увечить. 3. Добывать, разбивая, разламывая каким-л. орудием. 6. *Перен. Разг.* Вызывать болезненное ощущение ломоты. 7. *Без доп. Прост.* Работать трудно и много на кого-л.; *Спустить* 1. Переместить вниз что-л. расположенное наверху или на поверхности чего-л. 2. Направить, переслать нижестоящим организациям. 7. Сделать ниже, уменьшить. 8. Дать в чем-л. послабление, оказать поблажку, простить какой-л. проступок.

Как правило, значения отфразеологических производных подаются в словарных статьях последними; они менее связаны с предыдущими ЛСВ, но сохраняют тесную связь с соответствующими фраземами: *ломать горб (или спину, хребет)* «изнурять себя тяжелой работой»; *спускать/спустить с рук кому* «оставлять безнаказанным что-л., не взыскивать строго с кого-л. за что-л.».

В этой подгруппе, считает М. Б. Ташлыкочка, сложнее определить направление деривации. «Например, для глагола *перегнуть* словарь отмечает следующие значения: 1) согнуть под углом вдвое; 2) погнуть чрезмерно; 3) допустить перегиб. Как кажется, появление третьего значения, совпадающего со значением ФЕ *перегнуть палку*, может быть в равной мере возведено к явлениям семантической и отфразеологической деривации, а если учесть критерий простоты, – скорее к первому, чем ко второму» [4, с. 253].

Такой подход к определению направления деривации нам представляется не совсем точным. В данном случае необходимо исходить из того, имеет ли значение общие семантические признаки с другими ЛСВ или нет. Если общих сем между значениями нет, то деривационные отношения имеют направление от фразеологизма к слову.

2. Вычленившийся из состава фраземы компонент имеет общие семы с другими значениями, в которых слово употребляется в языке. В данном случае деривационные отношения имеют направление от слова к фраземе. Наблюдается явление фразеобразования за счет развития у слова новых переносных значений.

Так, переносное значение у глагола *клевать* появилось на базе сем «то опускать, то поднимать клюв» прямого значения «есть, хватая пищу клювом (о птицах)». Движение головы у человека во время дремоты ассоциируется с физическим движением клюва птиц. Фразема *клевать носом* образовалась на базе глагола *клевать* в процессе формирования у него переносного значения:

клевать (зерно) – *клевать* «то опускать, то поднимать голову (о дремлющих сидя или стоя)» – *клевать носом*. Ср. аналогично: *зажать/зажимать* (деталь в тиски) – *зажать/зажимать* «подчинить своей воле, подавить» – *зажимать в кулак*; *вилять* (дорожка виляет по полю) – *вилять* «уклоняться от прямого ответа» – *вилять хвостом*; *жевать* (сено) – *жевать* «долго и нудно обсуждать, разбирать одно и то же» – *жевать жвачку* и *жевать мочалку*; *молоть* (рожь) – *молоть* (несуразное) «говорить что-л. вздорное, болтать» – *молоть языком*; *связать* (преступника) – *связать* (словом) «лишить возможности действовать свободно, стеснить какими-л. условиями, обязательствами» – *связывать/связать руки* и др.

Вычленение субстантивного компонента

(модель фраземы: «глагол + имя существительное»)

1. Вычленившийся именной компонент приобретает статус слова, которое является омонимичным другим существующим в языке единицам. Ср.: *тянуть ляжку* «заниматься тяжелым, однообразным делом» – *ляжка* «о долгой, однообразной работе» и *ляжка* «широкий ремень из кожи или прочной ткани, перекидываемый через плечо для тяги или переноски грузов»; *накатать телегу* – *телега* «письмо, направленное в официальное учреждение с намерением очернить кого-, что-л. (в разг. речи)» и *телега*; *подпускать (разводить) турысы (на колесах)* – *турысы* «челюсть, вздор» и *турысы* «осадные башни для взятия крепостей»; *изобретать/изобрести велосипед* «ирон. Обнаруживать, создавать заново что-л. давно открытое, общеизвестное» – *велосипед* «что-л. давно открытое, общеизвестное» и *велосипед* «двухколесная или трехколесная машина для езды, приводимая в движение ногами»; *попасть в переплет* – *переплет* «сложное стечение жизненных обстоятельств; затруднительное положение» и *переплет* «то же, что переплетение (во 2 знач.)». «Вся его жизнь была *ляжкой* добросовестного морского служаки, который даже и в прежние суровые времена отличался добротой» (Станюкович, Два моряка); «Балакин времени не терял. Он сочинил и прислал в горьком *«телегу»*. Самыми черными красками обрисо-

вал хулиганское поведение... Легошиной» (Е.Воробьев, Крыша над головой); « – Да и напевай ей на ухо *турусы* сладкие» (Гоголь, Женитьба).

В лингвистике изучены различные виды вторичного фразообразования. А.Ф. Журавлев, например, выделяет фразопреобразование и дезаббревиацию. Так, субститутивное фразопреобразование заключается в а) суффиксальном варьировании одного из компонентов устойчивого словосочетания без изменения его семантики, б) в замене одного из компонентов синонимом или словом одной тематической группы [7]. Наибольший интерес для нас представляет субститутивное фразопреобразование второго типа, поскольку заменяющий компонент, освоившись в составе фраземы, способен вычленившись из нее, вобрав в себя семантику устойчивого словосочетания. Таким путем в языке появляются окказиональные отфразеологические дериваты. Ср.: *вешать лапшу на уши* – *вешать макаронные изделия/вермишель/спагетти на уши* – *макаронные изделия, лапша, вермишель, спагетти*: « – Этот рэкет... Развели спортсменов, зачем их столько для страны! – Ты нам *спагетти на уши не вешай*, – усмехнулся благодущный пахан... » (Гергеев, Новые властелины).

В романе С. Есина «Временитель» разворачивается словесный поединок между двумя действующими лицами; описываемая ситуация вызывает реминисценцию с фраземой *вешать лапшу на уши*, поскольку в тексте самостоятельно употребляется вычленившийся ее компонент *лапша*: «Довольно жалкая картина. Шеф весь в *макаронных изделиях*, даже стол завален, как улица снегом, *вермишелью*, вязкий ком *спагетти* свешивается с настольной лампы. Не переборщил?... – Так значит, Веня, по-твоему, положение безвыходное? – сказал Пылаев, руки у него дрожали, за пуговицу на рукаве пиджака зацепилась плоская домашняя *лапшинка*, – положение с романом безнадежное?... Крыло вечности прошелестело над столом, заваленном *лапшой*». Фрагмент текста интересен тем, что в нем, наряду с отфразеологическим дериватом, используются его синонимы *вермишель* и *спагетти*, которые определили преобразование устойчивого словосочетания *вешать лапшу на уши*. Слова одной тематической группы *лапша, вермишель, спагетти*, будучи компонентами фраземы и вычленившись из ее состава, становятся синонимами. Родовое наименование *макаронные изделия*, пройдя стадию компонента в границах фраземы, в результате синонимизируется с единицами, которые до вхождения во фразему представляли собой видовые наименования. Таким образом в языке действует один из не описанных ранее механизмов формирования синонимов.

2. Вычленившийся из состава фраземы компонент имеет общие семы с другими значениями, в которых слово употребляется в языке. Слово и фразеологизм, с одним из компонентов которого оно совпадает по звучанию, объединяет значение, которое воспринимается как производное, переносное на фоне другого основного значения данного слова [6].

Например, переносное значение лексемы *шпилька* «язвительное замечание» сформировалось на базе прямого значения «длинная булавка с головкой для прикалывания дамских шляп»; слово в переносном значении вошло в качестве компонента фраземы *подпускать шпильки* «делать язвительные замечания». Аналогично: *бирюльки* «набор мельчайших металлических или деревянных вещичек, употребляемых для особой игры» – «пустяки, дело, не заслуживающие серьезного внимания» – *играть в бирюльки* «заниматься пустяками».

Переносное значение у лексемы *агнец* «о кротком, послушном человеке» возникло на основе прямого значения «ягненок»; по этой же модели «животное – характеристика человека» сформировалось переносное значение у слова *ягненок*. Таким образом, развитие семантики у слова *агнец* не связано с фраземами *бедный агнец, непорочный агнец*. Подобные случаи В.К. Янцен предлагает рассматривать «как пример лексико-фразеологического варьирования слова, когда оно не утрачивает до конца понятийной соотнесенности в составе фразеологизма благодаря развитию у него на основе прямого значения переносного. Это явление необходимо отграничивать от явления регенерации, так как новых слов здесь не образуется» [6, с. 58].

Вычленение адъективного компонента

(модель фраземы: «прилагательное + существительное»)

Исследователи отмечают, что у глагольно-именных фразеологизмов «выбор» компонента, конденсирующего семантику фраземы, свободнее, чем у именных фразеологизмов типа «прилагательное + существительное». Возможность/невозможность семантического сжатия фразеологизма определяется особенностями лексико-грамматической структуры устойчивого сочетания, а также потенциальными лексико-семантическими способностями слова-компонента, вбирающего в себя значение всего фразеологизма. «Трудно представить семантическое сжатие в данный момент таких

фразеологизмов, как: *синий чулок, тертый калач, сума переметная, гроб поваленный, развесистая клюква* и др.» [8, с. 240-241]. В именных фраземах типа «прилагательное + существительное» грамматически зависимым компонентом нередко является краткое притяжательное прилагательное с суффиксами *-ин-* и *-ов-*: *авгиевы конюшни, ариаднина нить, геркулесовы столбы, дамоклов меч, демьянова уха, филькина грамота, тришкин кафтан, панургово стадо, буриданов осел, валаамова ослица, прокрустово ложе* и т.д. Вычленение адъективного компонента из состава фразем данной модели не отмечается, поскольку подобным прилагательным не свойственно развивать переносные значения. И все же из данной группы выделяются некоторые фраземы. Так, в художественной речи зафиксированы случаи вычленения зависимого компонента-прилагательного из состава фраземы *прокрустово ложе* «то, что является мерилом для чего-л., к чему насильственно подгоняют или приспособливают что-л.»: «Радаков получил койку-"люкс". Она самая верхняя, в третьем ярусе, а потому, поскольку не мешает проходу, нормальной длины. Остальные две, расположенные ниже, укороченные – ложе идеальное для *прокрустовых целей*» (Ажажа, «Северянка» уходит в океан); «Лепесток искусственного цветка кляли в углубление и шариком как бы расширяли его в деревянной полусфере, заставляя выгнуться и прочно принять округлость будущего цветка. Боже мой! Если бы в эту *прокрустову давилку* попал лепесток живого мака, живой розы!» (Агапов, Зося). Вычленившись из фраземы, «освободившись» от определяющего компонента-существительного, адъектив изменяет свои лексико-грамматические характеристики, получает способность сочетаться с другими именами, выполнять иную синтаксическую функцию – функцию согласованного определения.

В стихотворении А. Вознесенского «Эскиз поэмы» употребляется окказиональное наречие *дамклово*, образованное на базе адъективного компонента фраземы *дамклов меч*.

Обращает на себя внимание тот факт, что имя прилагательное – отфразеологический дериват не субстантивируется. Приведем примеры узусных производных: *краеугольный* «очень важный, существенный» – *краеугольный камень* «основа, важнейшая, существеннейшая часть чего-л.»; *стреляный* «бывалый, опытный, ко всему привыкший» – *стреляный воробей* «об опытном, бывалом человеке»; *обстрелянный* «ко всему привыкший; закаленный, бывалый» – *обстрелянная птица* «о человеке бывалом, выдавшем виды»; *тертый* «бывалый, опытный, много видевший и испытывавший (о человеке)» – *тертый калач* «об опытном, выдавшем виды человеке»; *тронутый* «имеющий странности, несколько ненормальный психически» – *тронутый умом, тронутый в уме* «имеющий странности, несколько ненормальный психически». Фраземы *тронутый умом, тронутый в уме* мотивированы устойчивыми единицами *тронуться в уме, тронуться умом* и отличаются от последних только общеграмматическим значением. В толковых словарях в качестве одного из значений глагола *тронуться* отмечается значение близкое к фраземам *тронуться в уме, тронуться умом*: «А на дворе, по словам Натальи, объясняли слабоумие деда иначе: тем, что *тронулся* Петр Кириллыч от любовной тоски после смерти красавицы-бабушки» (Бунин, Суходол). Поэтому возможно и другое направление деривации: *тронуться в уме, тронуться умом* – *тронуться* – *тронутый*.

Это довольно редкий случай, когда причастная форма фраземы закрепляется в языке в качестве самостоятельной словарной единицы.

Наблюдается тенденция к вычленению адъективов из состава фразем *потемкинская деревня* «введение в заблуждение, обман»; *мыльный пузырь* «то, что на поверку оказывается неустойчивым, эфемерным, легко разрушающимся»; *болевая точка* «о чем-л. актуальном, злободневном, вызывающем тревогу, беспокойство» и др. Ср.: «После многих по достоинству канувших в Лету "пейзанских" *потемкинских* фильмов, романов и стихов о деревне, слава богу, появилась настоящая хорошая сельская проза...» (Евтушенко, Теплые тени); «Союзу художников будет стыдно устраивать впредь уныло-парадные экспозиции из... казенных портретиков, «*мыльных*» по живописи и скудных по фантазии» (НРЛ-88).

Направление деривации может осуществляться и в противоположном направлении – от слова к фраземе. Так, устойчивое сочетание *тарабарская грамота* развило два значения: 1. Одна из систем тайнописи, применявшаяся в южнославянских и древнерусских рукописях, а также использовавшаяся старообрядцами. 2. *Перен.* Что-л. непонятное.

Лексическая единица *тарабарский* имеет сходные значения, причем переносное значение явно выводится из прямого, что свидетельствует не в пользу его фразеологического про-

исхождения: 1. *Устар.* Тайнописный, криптографический. 2. *Перен. Разг.* Непонятный из-за усложненности, неясности выражения (о языке, слоге). Во фразе переносное значение адъектива расширяется.

Сопоставляя семантическую структуру фразем *тепличное растение, тепличный цветок кто* «о хрупком, изнеженном человеке, не приспособленном к жизни (в результате условий воспитания и быта)» и лексемы *тепличный*, приходим к аналогичному выводу о нефразеологической природе переносного значения в адъективе: *тепличные культуры* «разводимые в теплице» – *тепличное создание* «оберегаемое от столкновений с жизнью, действительностью».

При реализации семантического сжатия именных фразеологизмов типа “прилагательное + существительное” смысловое содержание фраземы может сосредотачиваться в грамматически опорном слове – в существительном: *вавилонское столпотворение* – *столпотворение, золотой телец* – *телец, святая простота* – *простота* и др. Некоторые исследователи абсолютизируют действие этого процесса, не учитывая возможность появления переносного значения в результате семантической деривации [8]. Например, переносные значения в лексемах *каланча* «о человеке очень высокого роста», *чучело* «о неряшливо, нелепо одетом или грязном человеке», *верста* «о человеке очень высокого роста» естественно считать выводимыми соответственно из значений «дозорная вышка пожарной части», «подобие человеческой фигуры, выставленное на полях, огородах для отпугивания птиц» и «верстовой столб», а не из фразем *каланча пожарная, чучело гороховое, коломенская верста*.

Включение определяющего в определяемое наблюдается и в кругу составных наименований, что свидетельствует о едином процессе семантической конденсации на лексическом и фразеологическом уровнях: *классная доска* – *доска, музыкальный инструмент* – *инструмент 2, воздушный (или аэрологический) змей* – *змей 4, фотографическая карточка* – *карточка, железнодорожные пути* – *пути* и др.

Фактический материал свидетельствует о том, что вычленение имени прилагательного, как правило, осложняется суффиксацией: *звездная болезнь* – *звездный* – *звездность* «повышенное самомнение, высокомерное поведение лица, пользующегося большой известностью, популярностью»; *закадычный друг* – *закадычный* – *закадычник*; *кромешный мрак* – *кромешный* – *кромешность*.

В заключение отметим, что при образовании фразеологизма происходит ослабление семантического наполнения его составляющих. Процесс десемантизации обуславливает конденсацию всего фразеологизма в одном из его компонентов – глагольном, субстантивном и адъективном. Естественно, что при этом деривационные отношения имеют направленность от фразеологизма к слову и могут опираться на словообразовательные средства. Этот аспект деривационного взаимодействия между фразеологизмом и словом может стать предметом самостоятельного исследования.

Литература:

1. Изотов В. П. Уровневая организация способов словообразования. – Орел, 1996. – 29 с.
2. Янцен В. К. Регенерация как способ образования новых слов на базе фразеологизмов // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. – Ч. 1. – Гродно, 1982. – С. 159-160.
3. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. – М.: Высшая школа, 1989. – 287 с.
4. Ташлыкова М. Б. Словообразующие возможности фразеологизмов // Семантические вопросы словообразования. Производящее слово. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1991. – С. 253-272.
5. Белоусова Т. П. Фразеологическая деривация в современном русском языке (лексические производные): Автореф. дис.... канд. филол. наук. – Киев, 1992. – 17 с.
6. Янцен В. К. О деривационных связях между фразеологизмом и словом // Лексика и фразеология русского языка (К проблеме лексико-фразеологического варьирования). – Фрунзе, 1983. – С. 520-60.
7. Журавлев А. Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. – М.: Наука, 1982. – С. 45-109.
8. Семенова Т. Н. К вопросу о явлении семантического сжатия во фразеологии // Вопросы семантики фразеологических единиц. – Ч. 1. – Новгород: ЛГПИ, 1971. – С. 239-244.

Поступила в редакцию 09.11.2002